

«Постколониальный дискурс»: глобальные контексты

Евгений Б. Рашковский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова*

Российской академии наук, Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой развернутый теоретический отклик на коллективную монографию «Африка: Постколониальный дискурс» (2020) группы российских ученых-африканистов. Задача статьи – обоснование важности стимулируемых «постколониальным дискурсом» африканских и востоковедных исследований в деле разработки целого ряда задач современной исторической науки, среди которых выделены: уяснение важности современного расширения источниковедческих основ глобальной истории; понимание феномена рабства и – шире – принудительного труда как одной из трагических и требующих преодоления универсалий глобальной истории; осознание значимости исторического со-развития культур и цивилизаций в деле гуманизации глобально-исторических процессов; необходимость преодоления недооценки значимости этноцентрических или культурцентрических форм при изучении комплексного, объемлющего характера общечеловеческой реальности.

Однако «постколониальный дискурс», скорее, представляет собой не столько попытку решения базовых проблем истории XV–XXI столетий, сколько постановку новых вопросов, касающихся содержательных сторон глобальной истории как таковой. И прежде всего – актуального при изучении любой из эпох вопроса о принуждении/насилии как о «последнем доводе» (*ultima ratio*) в социальных процессах и о многозначном чаянии свободы в человеческой культуре. Дискуссия об исторических судьбах колониализма и о природе власти человека над человеком поневоле перерастает в дискуссию о человеческом достоинстве и свободе, трансцендирующую рамки научных дисциплин, регионов и цивилизаций.

Ключевые слова: постколониальный дискурс, Тропическая Африка, глобалистика, культура, цивилизационная динамика, ориентализм, историография, рабство, принудительный труд, уплотнение истории

Для цитирования: Рашковский Е.Б. «Постколониальный дискурс»: глобальные контексты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2021. № 9, ч. 2. С. 176–189. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-176-189

“Post-colonial discourse”. The global contexts

Eugene B. Rashkovsky

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

Abstract. This article presents some theoretical as well as historiographical reflections concerning new Russian monograph “Africa: Post-Colonial Discourse” (Moscow, 2020).

The aim of this study is to comprehend some problems of the basic contemporary macro-historical studies, as following: expanding the competence of the present-day source-based global studies; more comprehensive understanding of macro-historical phenomenon of slavery and – wider – of compulsive labor as one of the most tragic and unjust universals of global history; and perceiving of the imprescriptible role of inter-cultural as well as inter-civilizational co-development in possible humanization of global reality.

Post-colonial discourse hardly seems to be an exact solution of all the controversial problems of the XV–XXI centuries’, so deep and so painful. Nevertheless, it poses some basic questions of the History as such including questions of compulsion and violence in history as well as the question of hope for freedom and dignity as an ultima ratio of all the human cultural experience.

Keywords: post-colonial discourse, Tropical Africa, global studies, culture, civilizations, orientalism, historiography, slavery, compulsive labor, condensation of history

For citation: Rashkovsky, E.B. (2021), “‘Post-colonial discourse’. The global contexts”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, part 2, pp. 176–189, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-176-189

*Светлой памяти академика
Нодари Александровича Симония,
востоковеда и политолога,
посвящается*

Написание этой статьи было во многих отношениях подсказано коллективной монографией, созданной группой российских ученых под грифом Института Африки РАН [Африка 2020]. В ходе статьи мне придется поднять целый ряд вопросов, касающихся общей динамики всемирной истории и мировой культуры, которые существенно перерастают рамки африканистики. Коллективная монография относится к научной продукции года 2021-го. Так что последующее рассуждение сделано «по горячим следам».

Среди двенадцати авторов монографии – ученые из издавшего книгу Института Африки РАН, а также ученые из иных исследовательских и учебных центров Москвы и России. Цель монографии – не только осветить актуальные проблемы нынешней африканской историографии, но и – шире – африканской мысли последних пяти-шести десятилетий. За этот период на африканском континенте произошло немало: первые драматические опыты национально-государственного строительства, идейные искания, беспощадные племенные и этнические войны, унесшие миллионы жизней, экологические бедствия, голодовки, пандемии, разгул исламистского террора, с его убийствами, похищениями людей, глумлением над детьми и разрушением святынь, многомиллионные миграции африканцев разных верований и рас в страны Европы и Северной Америки... И наконец, относительно мирный демонтаж бесчеловечной системы апартеида на южной оконечности континента¹. Еще не вполне осмыслена взаимосвязь всех этих явлений новейшей и текущей африканской истории с общей культурно-исторической динамикой нынешнего мира.

Сами высокоразвитые страны, культивировавшие чисто ресурсный, эконом-центрический подход к проблемам «развития» и связанные с этим подходом идеи «мультикультурализма» и не критического заискивания перед «освободительными» страстями, во многих отношениях лишь усугубляли меру страданий африканских народов, уже освободившихся от прямой колониальной зависимости².

Во всяком случае, повторяю, наше обсуждение касается не только проблем африканистики, но и многих важных социально-политических и интеллектуальных проблем современности, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

К вопросу об «ориентализме»

Авторы монографии справедливо полагают, что у истоков нынешнего и все еще не исчерпавшего себя «постколониального дискурса» стоит обширная западная литература, посвященная критике европоцентристских культурно-исторических воззрений, и прежде всего –

¹ О некотором участии нашей страны в событиях этого относительно мирного демонтажа дается немало интересных, хотя и несколько тенденциозно освещенных сведений в главе монографии, автор которой В.Г. Шубин.

² См.: *Laville J.-L. La théorie decoloniale ne constitue pas un repaire d'islamo-gauchiste. 2020* [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/education/article/2020/11/09/non-la-theorie-decoloniale-ne-constitue-pas-un-repaire-d-islamo-gauchistes_6059050_1473685.html (дата обращения 9 янв. 2021).

книга американско-палестинского историка английской литературы и музыковеда Эдуарда Саида (1935–2003) «Ориентализм» (1979), стремительно разошедшаяся и переведенная на десятки языков³.

По мысли Т.М. Гавристовой, Э. Саид, обвинивший европейскую мысль и культуру в заносчивости и заведомом принижении места народов незападных ареалов в глобальном развитии, исходил из громадной массы именно европейских материалов (художественная литература и – в меньшей степени – историография), минувшие источники по истории самих внеевропейских народов и, в частности, по истории многообразных форм восприятия европейских влияний [Африка 2020, с. 21–22]⁴.

Разумеется, «нельзя объять необъятное». Однако, как отмечается в рассматриваемой монографии, хотя «понятие ориентализма – прекрасная критика Европы (*fine critique of Europe*)», весь комплекс представлений о внеевропейских народах и культурах подменяется у Саида представлениями исламоведческими; а в таком «дискурсе» всем внеисламским мирам (в частности Тропической Африке, Индии, Дальнему Востоку) места уже не хватает [Африка 2020, с. 229].

Круг идей Э. Саида получил продолжение в трудах целого ряда африканских историософов и идеологов (например, Ачилла Джозефа Мбембе и др.).

Глубокая критика научной позиции Э. Саида и его последователей развернута в трудах одного из виднейших российских востоковедов – Л.Б. Алаева. По его мнению, исторически европейское востоковедение – не просто исполнитель «социального заказа» западного колониализма и империализма, хотя и это обстоятельство не следует сбрасывать со счетов. Дело и в самом, веками вырабатывавшемся в лоне европейской культуры этосе самоценности познания как такового; познания ради познания. Точнее, познания не «гностического», не мистического, но именно рационального, картезианского, безусловно соотносительного с внутренним опытом его субъекта.

Л.Б. Алаев пишет: «Да, ориентализм в понимании Саида существует. Он выражается в покровительственном, снисходительном

³Этой книге и бесчисленным ее репликам посвящены разделы написанного Т.М. Гавристовой и Н.Е. Хохольковой предисловия и глава Гавристовой о книге «Ориентализм» Эдуарда Саида и истоках постколониального дискурса [Африка 2020, с. 6–7, 14–34].

⁴Об особой роли европейских знаний в деле переоткрытия забытых или полузабытых пластов истории народов Востока – от глубокой древности и до Нового времени – немало сказано в трудах Л.Б. Алаева, Е.Б. Рашковского, Т.Г. Скороходовой и др.

отношении к восточным народам; в облегченных, поверхностных способах познания (типа знаменитой фразы: Восток – дело тонкое). Да, эта тональность влияет на самые глубокие научные работы о Востоке. Но это надо просто осознавать, бороться с этим, как борются все гуманитарии с субъективизмом. Никакого иного востоковедения, кроме созданного в свое время ориенталистами, просто нет» [Алаев 2020, с. 36].

Я позволил бы себе пойти еще дальше этой констатации Л.Б. Алаева. Европейское (включая и российское, и американское) востоковедение знаменовало собой именно европейское стремление понять собственное цивилизационное своеобразие – своеобразие *цивилизации рациональных знаний* [Рашковский 2021, с. 218–219]. Но – наряду с этим стремлением и через него (как это было еще у Гердера) – отчасти понять и правомерность цивилизационного своеобразия иных народов и регионов (в частности, Балтии, Славянства, Востока, Африки).

У лежащего в основе европейской *цивилизации знаний* картезианского *cogito* – огромная и осознанная духовно-историческая прапамять: античная, библейская, восточно-христианская, арабская, средневеково-схоластическая, ренессансная⁵. Предполагаю, однако, что эти материи слишком сложны для авторов, обличающих «ориентализм» с идеологических позиций.

Со-развитие культур и цивилизаций

Вернемся, однако, к рассматриваемой монографии и, в частности, к вопросу о европоцентризме. Авторы монографии (и прежде всего ее составители – Т.М. Гавристова и Н.Е. Хохолькова) закономерно ставят вопрос о европоцентризме и его связи с нарождающейся историографией истории народов Африки. Неслучайно Т.М. Гавристова определяет этот нарождающийся пласт исторической мысли как отход от былой «колониальной библиотеки» [Африка 2020, с. 97–118] и вхождение в контекст той «историографической революции» второй половины прошлого столетия, которая неимоверно раздвинула и обогатила проблематику и познавательные горизонты исторической науки [Могильницкий 2008].

⁵ Специально об актуальности проблематики итальянского Ренессанса для нынешнего мира пишет иеромонах Иоанн (См.: *Гуайта И.* Монах в карантине: 40 дней паломничества с короной. М.: Практик, 2021. С. 227–283, 358–366).

Как замечает Н.Е. Хохолькова, именно европоцентризм – при всех его издержках – создал первые предпосылки современного глобально-исторического видения. Видения, не принижающего наследия европейских народов, но требующего серьезного учета принципа взаимной связи и взаимной культурно-исторической соотносительности регионов, народов, социальных массивов, цивилизаций [Африка 2020, с. 65–68]. В условиях нынешней духовной и политической ситуации идеи яростного антизападничества, а с ними – и «афроцентризма» и «африканской исключительности», выглядят как некая инверсия изживших себя идей европоцентризма, а заодно – и «белого» расизма [Африка 2020, с. 87–88]⁶. Тем более что нынешним ученым-африканистам приходится иметь в виду не только успехи освободительных движений и первых шагов национально-государственного строительства на Континенте, но и издержки слома и без того не самых плодотворных наработок колониального администрирования первой половины – середины прошлого столетия [Африка 2020, с. 194].

Сложный и противоречивый глобальный процесс современного культурно-исторического со-развития (co-development, co-desarrollo) зачастую определяется в кабинетах американских, в том числе и афроамериканских, ученых понятиями метисации и гибридности [Африка 2020, с. 43–44]. Само употребление этих понятий делает вольный или невольный упор на биологические, расово-соматические стороны нынешних глубинных процессов социокультурного взаимодействия и взаимного проникновения. Процессы, некогда определенные в трудах нашего соотечественника, академика Н.А. Симония (1932–2019) как процессы *исторически-синтезные*, т. е. по определению имеющие глубинно-человеческое, культурное измерение [Симония 2008]⁷.

Уплотнение истории

Трудно изучать современную историю, современную жизнь без ее глубинно-исторической ретроспективы, без ее письменной документальной базы, которой так недостает для изучения судеб

⁶ Эта проблема «инверсионности» имеет прямое отношение к современному и принявшему глобальный размах движению BLM (“Black Life Matter” – Жизнь черного человека имеет значение).

⁷ Связь Н.А. Симония с глубинной, а не политически-поверхностной гегелиано-марксистской традицией лишь подчеркивает, сколь пристальным было внимание российского ученого именно к человеческой стороне этого взаимодействия.

народов Тропической Африки. И здесь – отчасти – приходят на помощь интенсивные лингвистические, этнологические, археологические, религиоведческие, искусствоведческие, музеологические исследования. Но документальные лакуны все же остаются лакунами. И все же, как замечал один из серьезнейших ученых-африканистов Али Мазруи (1933–2014), на повестке дня – не отрицание истории на том основании, что Африке недостает традиционных письменных источников, но расширение познавательного потенциала исторической науки как таковой на путях более интенсивных и современных подходов к разнообразным пластам африканской истории [Африка 2020, с. 109–110]⁸.

Такое обогащение и расширение познавательных подходов происходит в настоящее время. Как показывает Н.Е. Хохолькова, на помощь исследователю приходят современные цифровые технологии [Африка 2020, с. 129–144], приоткрывающие доступ к библиотекам, музеям и архивам, к материалам и отчетам полевых исследований, к журнальным и газетным публикациям, законодательным актам, публицистике, – не говоря уже о письменных источниках былых эпох на арабском и европейских языках, включая и документы колониальных администраций на протяжении более чем трех столетий. Как и предполагал Мазруи, происходит некое современное – на электронной базе – *уплотнение* не только источниковедческой базы африканской истории, но и самой истории как таковой: в орбиту истории всеобщей втягиваются все новые человеческие следы, массивы и пласты.

Более того, обращение к новым пластам источников на электронных носителях приоткрывает не только новые серии проблем африканской истории, но и серии проблем универсальной исторической и политологической значимости. Эти проблемы поднимает весьма важное, на мой взгляд, исследование Т.С. Денисовой и С.В. Костелянца «Постколониальная Африка: интеграция повстанческих движений в национальную политику» [Африка 2020, с. 145–168]. Этот раздел монографии вводит нас в важнейшую историографическую проблему: универсальную (повторяю!), малоработанную и открытую.

Победы полевых командиров или же постколониальных выдвиженцев (по терминологии авторов главы, «военных баронов»), опи-

⁸ Весьма важен, на мой взгляд, начавшийся ныне процесс возвращения памятников традиционно-африканского творчества из музеев Европы на их «историческую родину». Хочется надеяться, что этим памятникам будут обеспечены адекватные условия хранения, экспонирования и научных описаний.

рающихся на этноплеменные группы и на архаические комплексы в сознании масс, – уже в течение почти семи десятков лет выступают как неотъемлемая часть общего ландшафта политической институционализации: добывающиеся или добившиеся власти «военные бароны» как бы воссоединяют в себе роли и революционных лидеров («народных трибунов»), и главарей партаппаратов, и традиционных жрецов и шаманов, и карателей, и сырьевых боссов... В данном случае ничего специфически африканского в таком смешении должностей и претензий (со времен римских принцев) нет. Разве что племенной антураж, подкрепленный современными технологиями власти и постколониальными «сырьевыми» экономическими отношениями. Эта картина чрезвычайно важна для исследователей нынешнего постмодернистского «клипового» мира, где современные технологии срастаются с глубинной психологической и культурной архаикой⁹.

Раса или культура?

Внимательное чтение разбираемой монографии подводит нас, по крайней мере, к двум выводам, далеко выходящим за рамки «постколониального дискурса».

Вывод первый. Одна из важнейших бед нынешней (и, возможно, и завтрашней) Африки – мышление ее правящих элит и масс не столько в категориях государственного устройства, сколько в категориях племенных лояльностей и кумовских и, по существу, коррупционных отношений. Мышление, в значительной мере блокирующее становление современных гражданских наций на континенте¹⁰. Племенные антагонизмы в контекстах современных обществ не могут разрешаться с помощью резни, мародерства и погромов. Отметим еще одно тягостное для народов Африки последствие европейского колониального владычества: границы колониальных владений, ставшие со временем и границами африканских государств, прочерчивались во властных кабинетах старой Европы; при этом игнорировались не только этнические, но подчас и внутренние природные рубежи континента.

⁹ Современный «накат» архаики на базе электронных технологий – особый сюжет трудов Н.В. Мотрошиловой, А.А. Пелипенко, В.М. Хачатурян, И.Г. Яковенко и многих других отечественных исследователей.

¹⁰ В этом смысле некогда навязанная бурским меньшинством народам Южной Африки систем апартеида (apartheid на африкаанс – раздельность, разделенность между людьми) – дань все тому же этноплеменному мышлению. Потому неслучайными были связи тайного бурского «Брудербоонда (Братского союза)» с нацистской разведкой.

Вывод второй. Одна из важнейших трудностей человеческого взаимопонимания и взаимодействия на африканском континенте – не расово-биологические различия между людьми, но, скорее, различия культур. На страницах монографии эта мысль с особой тонкостью и подробностью (к тому же и на оригинальных полевых и архивных материалах) разработана Н.Л. Крыловой [Африка 2020, с. 208–223].

В этой связи хотелось бы вспомнить мысль о пагубности биологизации «расового вопроса», высказанную темнокожей французской актрисой и писательницей Рашель Хан (Khan, род. 1976). Писательница настаивает на унизительности ситуации, с которой сталкиваются ныне африканцы и их потомки в «белых» обществах: с одной стороны – пережитки «белого» расизма, а с другой – взвинчивание «черной» идентичности панафриканистами и «левыми» идеологами и пропагандистами. Человек африканского происхождения, сталкивающийся с этими обеими крайностями, выглядит как бы расово стигматизированным (*racé*) – безотносительно к глубине его культуры, человеческого опыта и творческого содержания¹¹.

«...В части Разное...»

В заключение хотелось бы дополнить эти рассуждения некоторыми соображениями, связанными с моими наработками в области глобалистики.

Хотелось бы отметить необходимость глобальной разработки *проблемы рабства* для более широкого и объемного понимания истории собственно африканских, афроамериканских и – в нынешней ситуации – афроевропейских народов и этнокультурных групп. Прежде всего – о глобальной истории рабства.

На мой взгляд, бесчеловечная система пленения, выкрадывания, угона и продажи людей и всей системы принудительного труда была неотъемлемым уделом всей «политэкономии» не только спорной «рабовладельческой формации», но и Средних веков и мирового раннекапиталистического хозяйства (вплоть до второй половины позапрошлого века); ее реликты прослеживаются и поныне. Рецидивы этой системы, в особенности связанные с исламистским террором, в том числе и с особой бесчеловечностью

¹¹ См.: Khan R. Je ne me fais ni raciser, ni instrumentaliser. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/idees-et-debats/rachel-khan-je-ne-me-fais-ni-raciser-ni-instrumentaliser_2151785.html (дата обращения 1 янв. 2021).

обращения с выкраденными детьми, и сегодня терзают народы Тропической Африки и Ближнего Востока...

Вернемся в прошлое. Через Занзибар и Мадагаскар восточные работорговцы поставляли рабов-африканцев вплоть до Китая. Первые заводы черных рабов в Китай относятся к 813 г. н. э. (династия Тан). В Китае они заменяли для тяжелых и грубых работ выкрадывавшихся пиратами более слабосильных малайцев и кхмеров¹².

Действительно, наряду с Африкой история знает еще и иные поля многомиллионной «коммерческой» охоты на людей: регионы Восточной и Центральной Европы, Средней Азии и Кавказа, где также на протяжении веков выкрадывались или угонялись в плен миллионы людей. Этой «коммерцией» промышляли викинги и их потомки (с их «полюдьем»), кочевники евразийских степей, Золотая орда, Османская империя, ханства Средней Азии и Крыма, горские князьки¹³. Порабощенные люди, предназначенные для хозяйственной или сексуальной эксплуатации, сбывались византийским, арабским, генуэзским, персидским, крымским и турецким купцам¹⁴. Неслучайно же и в старом арабском, и в новоевропейских языках от Швеции до Португалии слово «раб» исторически отождествилось с этнонимом «славянин».

Европа и Северная Америка знали еще один позорный случай торговли «белыми» рабами в XVII – начале XVIII столетия: такова была участь части плененных англичанами ирландских повстанцев, а также жертв пиратских нападений¹⁵. То были предки североамериканских «цветных» рабов: мулатов и квартеронов. А уж о «белом» рабстве («крещеной собственности») в Российской империи я не говорю. Еще Соборное уложение 1648 г. приравнивало статус крепостного крестьянина к статусу холопа (т. е. домашнего раба), обеспечив право продавать крестьян и дворовых «на вывод».

¹² См.: *Lim P.J.* L'histoire oubliée de l'esclavage africain en Chine. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/idees-et-debats/l-histoire-oubliee-de-l-esclavage-africain-en-chine_2149022.html (дата обращения 25 июля 2021).

¹³ Вплоть до российских завоеваний Дербент и Анапа были работорговыми портами.

¹⁴ Невольничьи базары, где продавали пленников и пленниц с Балкан, Кавказа, а заодно – и из Тропической Африки, официально существовали в Стамбуле вплоть до середины позапрошлого века.

¹⁵ См.: Белые рабы в Америке: почему они стоили в 10 раз дешевле чернокожих? О чем молчат американцы? 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://newconcepts.club/website/articles/4467.html> (дата обращения 3 авг. 2021).

В Индии, несмотря на весь комплекс современных законодательных актов и государственных мероприятий, по сей день – как бы неформально, как бы вопреки законодательству – сохраняется своеобразный исторический эквивалент рабства – «институт, исключительный с точки зрения социальной сегрегации – «неприкасаемость»: институт, в религиозном порядке предписывающий обреченность человека на самые грубые и презируемые работы» [Алаев 2021, с. 212]. Это пожизненная обреченность, и – обреченность в потомстве. «Неприкасаемые» категории населения Индии составляют чуть ли не пятую часть населения Республики.

Захват и торговля людьми – обыденная практика исламистских банд в нынешнем афроазиатском мире¹⁶.

При осмыслении феномена подневольного труда (именно как феномена всемирно-исторического) нельзя не обратиться к гегелевской философской традиции. Гегель в «Феноменологии духа» определил раннюю (и притом – самую длительную) стадию развития социальности, мысли и культуры как «неопосредованность», «невыделенность» (*Unmittelbarkeit*) человеческого лика из своей внешней, близлежащей и окружающей среды¹⁷. Эмиль Дюркгейм определял эту стадию-состояние как состояние «механической солидарности»¹⁸. А дон Бенедетто Кроче – как исторически неизбежную, но прочно застрявшую в истории стадию-состояние «сервильности (*la servilità*)», имея в виду при этом, что человеческое рабство как в отношении своего первичного коллектива, так и в отношении стоящих над ним «больших людей» может легко воспроизводиться в условиях авторитарных и тоталитарных регрессий современного общества¹⁹. Так что амбивалентная связь социокультурной архаики и отношения к другому, непохожему на тебя человеку, как к заведомому врагу или же рабочему скоту,

¹⁶ Похищение/порабощение людей – один из древнейших и тягчайших деликтов. Согласно ветхозаветному законодательству, он заслуживает смертной казни (Исх 21:16; Втор 24:7).

¹⁷ Г.Г. Шпет переводил это гегелевское понятие как «субстанциальность», имея в виду погруженность, утопленность человеческого существования в субстанцию архаического общежития. К этой же гегелевско-шпетовской категории обращался в своих трудах и современный российский мыслитель А.А. Пелипенко (1960–2016) [Пелипенко 2008].

¹⁸ Связь Дюркгейма с гегелианской традицией, разумеется, не прямолинейна. Однако идея «механической солидарности», господствующей в обществах традиционного типа, коррелирует с гегелевской *Unmittelbarkeit*.

¹⁹ Подробнее см. об этой макроисторической проблеме «сервилизма» и его регрессивных «расцветов» [Рашковский 2008, с. 500–518].

думается, самоочевидна. Отмеченная Гегелем «неопосредованность» по определению чревата рабством.

Лишь тогда, когда человек всерьез задумывается о Боге, Вселенной и о самом себе как о *проблеме*, приоткрывается перспектива преодоления всего комплекса рабских и рабовладельческих отношений ко всей сложности Бытия.

Так что – принимая в расчет сказанное выше – одних лишь антизападнических филиппик, характерных для «постколониального дискурса», недостаточно. Речь идет о глобальной истории принудительного труда: вплоть до труда узников концентрационных лагерей и «народных коммун трудового перевоспитания».

Есть и еще один всемирно-исторический момент, существенно расширяющий и отчасти преобразующий рамки «постколониального дискурса»: огромная креативная роль африканских народов в таких отраслях современной культуры, как музыка (включая не только джаз, рок, фолк или «поп», но и музыку классическую, которая, на мой взгляд, является своеобразной эзотерией культуры европейской), изобразительные и прикладные искусства и спорт. Но это почти не вписывается в проблематику «постколониального дискурса». Во всяком случае, «постколониальный дискурс» не столько решает, сколько ставит сложнейшие вопросы современных цивилизационных исследований – вопросы *Африканского (и шире – Внезападного) в Глобальном*. За это следует благодарить авторский коллектив обсуждаемой нами монографии.

Такого рода исследования, даже при всей их тематической и смысловой неполноте, помогают нам изучать и понимать – вслед, скажем, за трудами В.И. Вернадского, А.Дж. Тойнби, Ф. Броделя, ученых школы «Анналов» или науковедов, филологов и богословов второй половины прошлого века – социально-исторические подтексты и интеллектуально-духовные надтексты глобальной истории во всем ее цивилизационном и смысловом богатстве. Однако – в контекстах непредвзятых и сугубо современных.

Наконец, еще одно, самое общее и сугубо мировоззренческое наблюдение, связанное с анализом трудов идеологов «постколониального дискурса» и его отечественных исследователей. Принуждение (включая и принудительные формы эксплуатации, мобилизации и труда) было и остается *ultima ratio* – «последним доводом» исторически сложившихся форм внешней социальности и власти. Или – в марксистском лексиконе – «угнетения человека человеком». Но этот «последний довод» вызывает к жизни и некоторые силы противодействия, связанные с основами и динамикой человеческого самосохранения и, следовательно, культуры. У культуры (в философском и требовательном смысле этого

слова) обнаруживается свой «последний довод»: чаяние свободы и достоинства. Чаение пусть смутное, но всегда насущное²⁰. Этим «доводом» конституируется все самое ценное и значительное в человеческой жизни и мысли и, стало быть – в искусстве, экономике, политике²¹.

Литература

- Алаев 2020 – *Алаев Л.Б.* Проблематика истории Востока. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2020. 500 с.
- Алаев 2021 – *Алаев Л.Б.* Индийская цивилизация: Опыт понимания. М.: URSS, 2021. 432 с.
- Африка 2020 – Африка: постколониальный дискурс / Отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Ин-т Африки РАН, 2020. 248 с.
- Могильницкий 2008 – *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 3: Историографическая революция. Томск: Изд. Томского ун-та, 2008. 554 с.
- Пелипенко 2008 – *Пелипенко А.А.* Исторические этапы и уровни эволюции субъектности // Субъект во времени социального бытия: Историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции. М.: Наука, 2008. С. 72–134.
- Рашковский 2008 – *Рашковский Е.Б.* Рассуждение о Хлебе, Вине и Свободе, или Заметки российского востоковеда и слависта на полях трудов итальянских мыслителей прошлого века // Восток как предмет экономических исследований / Отв. ред., сост. А.М. Петров. М.: Ключ-С, 2008. С. 500–516.
- Рашковский 2021 – *Рашковский Е.Б.* Философические листки: из дневников последних лет // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 207–219.
- Симония 2008 – *Симония Н.А.* Означает ли глобализация «отмену» центропериферического деления мира // Восток как предмет экономических исследований / Отв. ред., сост. А.М. Петров. М.: Ключ-С, 2008. С. 91–103.

²⁰ Вспомним слова одного из пастернаковских героев: «...общение между смертными бессмертно, и <...> жизнь символична, потому что она значительна» (*Пастернак Б.* Доктор Живаго. Кн. 1, ч. 2, гл. 10).

²¹ Тема единства свободы и достоинства – одна из центральных тем, обеспечивавших в нечеловеческих условиях жизненность старой афроамериканской культуры. Достаточно вспомнить спиричуэл на библейскую тему – “Let My People Go” (Исх 8:20) в столь несхожих, но одинаково одухотворенных исполнениях Мариам Андерсон, Поля Робсона и Луи Армстронга.

References

- Alaev, L.B. (2020), *Problematika istorii Vostoka* [Basic problems in oriental history]. URSS, Moscow, Russia.
- Alaev, L.B. (2021), *Indiyskaya tsivilizatsia. Opyt ponimaniya* [Indian civilization. Towards an understanding]. URSS, Moscow, Russia.
- Gavristova, T.M. and Khokholkova, N.E., eds. (2020), *Afrika: postkolonialnyy diskurs* [Africa. Postcolonial discourse], Nauka, Moscow, Russia.
- Mogilnitsky, B.G. (2008), *Istoria istoricheskoy mysli XX veka. Vyp. 3. Istoriograficheskaya revolyutsia* [The history of historical thought. 20th century. Issue 3. Historiographic revolution]. Tomsk Univ. Press., Tomsk, Russia.
- Pelipenko, A.A. (2008), “Historical stages and levels of subjectivity’s evolution”, in Sayko, E.V. (ed.), *Subyekt vo vremeni sotsialnogo bytiya* [The subject in the time of social existence], Nauka, Moscow, Russia, pp. 72–134.
- Rashkovsky, E.B. (2008), “The discourse on bread, wine, and freedom, or marginalia of Russian scholar in oriental and slavic studies concerning the works of Italian thinkers, 20th century”, in Petrov, A.M. (ed.), *Vostok kak predmet ekonomicheskikh issledovaniy* [The East as a subject of economic research], Klyuch-S, Moscow, Russia, pp. 500–516.
- Rashkovsky, E.B. (2021), “Philosophical sheets. From the diaries of the last years”, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 207–219.
- Simonia, N.A., (2008), “Does globalization mean the ‘cancellation’ of the world center-peripheral division?”, in Petrov, A.M. (ed.), *Vostok kak predmet ekonomicheskikh issledovaniy* [The East as a subject of economic research], Klyuch-S, Moscow, Russia, pp. 91–103.

Информация об авторе

Евгений Б. Рашковский, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; eug.rashkov@gmail.com

Information about the author

Eugene B. Rashkovsky, Dr. of Sci. (History), professor, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117997; eug.rashkov@gmail.com